

Константин Станюкови

Миссис Джил

Константин Михайлович Станюкович
Миссис Джильда
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165664

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 9.:

Правда; Москва; 1977

Содержание

I	4
II	9
III	18
IV	23
V	32
VI	34
VII	39
VIII	42

Константин Михайлович Станюкович МИССИС ДЖИЛЬДА

I

«Чайка», красавец военный трехмачтовый клипер, слегка накренившись, неся под всеми парусами с попутным ровным зюйд-вестом, направляясь из Гонолулу, на Сандвичевых островах, к берегам Калифорнии, в Сан-Франциско.

Был седьмой час чудного июньского вечера.

Солнце, ослепительно заалевшее, медленно, величаво и словно бы нехотя опускалось за горизонт, заливая его блеском пурпура и золота и окрашивая часть бирюзового неба какими-то волшебными нежными переливами всевозможных красок.

Палящий зной дня прошел. От волнистого безбрежного океана веяло прохладой. Казалось, не надышишься этим чистым морским воздухом.

Океан тихо рокотал. В этом рокоте не звучал угрозой морякам и не натягивал их постоянно напряженные нервы. Могучие волны прозрачной синевы с се-

дыми, ослепительной белизны, верхушками одна за другую с тихим гулом разбивались о клипер, обдавая его алмазною водяною пылью, и покачивали его с бок на бок с ласковою осторожностью доброй няньки.

За кормой слегка пенилась серебристая лента и вдали исчезала, сливаясь с волнами.

Было тихо и торжественно кругом на беспредельном просторе океана, часть которого была охвачена заревом заката. И эта торжественность природы невольно передавалась многим чутким душам моряков.

Вахтенные матросы, стоявшие у своих снастей, не перекидывались словами. Они притихли и, любуясь на величавый закат, невольно отрешались от обыденных мыслей, приподнято настроенные. У многих вырывались невольные вздохи, те вздохи безотчетной грусти, которая охватывает людей, чувствующих красоту и таинственную неразгаданность природы.

Один молодой матросик, маленький, худенький и пригожий, с большими глазами, пугливыми, как у дикого зверька, тоскливо смотрел, как закатывается солнце, и вдруг перекрестился и шепнул:

– О, господи!

И молодой голос его звучал грустно-грустно, словно бы он жаловался на что-то, просил о чем-то, жалел чего-то.

А между тем вокруг так хорошо!

Никто не обратил внимания на это скорбное восклицание молодого матросика.

Только стоявший около него, у той же фок-мачты, при снастях, пожилой матрос, рябоватый и вообще неказистый лицом, крепкий и приземистый, без среднего пальца, давно оторванного марса-фалом на жилистой, пропитанной смолой, правой руке, повел на вздохнувшего матросика бесстрастным, казалось, взглядом человека, давно ко всему притерпевшегося.

Повел и, сразу поняв причину грустного настроения первогодка-матросика, – проговорил своим рябоватым, сиплым от пьянства голосом, в котором, однако, несмотря на грубость, пробивалась участливая нотка:

– И дурак же ты, Егорка.

Егорка пугливо взглянул на старого матроса, который раньше никогда не удостоивал его разговором.

– А ты не оказывай перед им страху, – продолжал беспальный матрос, понижая конфиденциально свой зычный бас, – он и бросит над тобою куражиться... боцман-то... Нешто больно даве съездил? Целы зубы? – небрежно прибавил он.

– Целы... Он зубов не касался.

– Так чего же ты заскучил, Егорка?

– Главная причина: вовсе обидно, Иваныч.

– Обидно? А ты не обиждайся. Плюнь! Такая уж флотская служба терпеливая. Не ты один матрос на «Чайке». Все терпят. А то какой обидчивый, скажи, пожалуйста, – насмешливо кинул Иваныч.

Матросик был, видимо, смущен таким напоминанием о «всех».

В самом деле, разве он один терпит? Других вот наказывают линьками, а его, слава богу, еще ни разу не пороли. Вот только боцман утесняет, за всякую малость дерется, а то господь пока миловал.

А Иваныч, словно бы желая подбодрить Егорку, продолжал:

– Это што, коли боцман или старший офицер съездит по морде с рассудком, без повреждений... Это нестоящее дело для форменного матроса. Он должен к бою привыкать – на то она и служба. А вот меня, братец ты мой, так прежде форменно шлифовали линьками и, можно сказать, вовсе до отчаянности и безо всякого предела... Такой уже дьявол был у нас на корабле старший офицер... ну и капитан тоже... лют был на порку. И ничего: сустерпел все. Жив остался и безо всякой чихотки. А ты: «обидно»! То-то оно и есть, что ты еще вовсе глуп, Егорка!

И, помолчав, прибавил:

– А я уж боцману скажу, чтобы не очень тебя оболванивал. Пужливый и обидчивый, мол, матросик...

Покурить нешто!

И с этими словами Иваныч отошел от мачты и, вынув из кармана просмоленных штанов коротенькую трубку и кисет с махоркой, набил трубку и стал курить.

Егорка не успел и сказать слово благодарности, весь проникнутый ею.

Благодаря ласковому слову, он уже был иначе настроен. Обнадеженный, он уже не чувствовал жуткой сиротливости и снова стал смотреть на закат, но уже без щемящей тоски забиженного существа, а в тихом, грустном и неопределенном раздумье.

И жить так хотелось, несмотря на обиды боцмана.

II

На мостике стоял, одетый во все белое, в сбитой слегка на затылок фуражке, из-под которой виднелись светло-русые кудрявые волосы, лейтенант Весеньев.

Он тоже любовался величественной картиной заката, душевно приподнятый и бесконечно счастливый, полный надежд таких же ярких и чудных, как эти краски неба.

Восторженно-мечтательное выражение светилось и в его молодом, свежем и жизнерадостном лице, опущенном шелковистой, вьющейся русой бородкой, и в его небольших живых серых глазах. Во всей его статной, хорошо сложенной фигуре было что-то вызывающее, победное и счастливое.

Он отрывался от заката, чтобы взглянуть на паруса, на компас, на вымпел, и снова устремлял свои глаза на запад, туда, где должны через день показаться красноватые берега Калифорнии, которая казалась теперь молодому лейтенанту самым милым, самым желанным уголком божьего мира.

И, любуясь закатом, любуясь океаном и небом, любуясь бледным диском луны, едва светящейся на небе и словно не смеющей показать своей красоты перед солнцем, глядя на паруса, на палубу, на руле-

вых, молодой лейтенант, весь проникновенный и восторженный, и в солнце, и в небе, и в море, и в парусах – словом, во всем видел маленькую, грациозную женщину с большими темными глазами, то грустными, то задумчивыми, то улыбающимися и всегда прелестными.

Он словно бы отождествлял весь мир с ней, и весь мир был полон ею.

Вот уже три месяца, как все мысли Весеньева поглощены этой маленькой женщиной с большими, темными, загадочными глазами, с которой он познакомился в Сан-Франциско, и с первой встречи влюбился в нее так, как никогда еще не влюблялся ни в каких широтах, сам несколько испуганный и смущенный захватившим его чувством, которое в разлуке не только не проходило, как прежде, а, напротив, захватывало еще сильнее, и не было, казалось ему, другой женщины во всей подлунной, которая могла бы заставить забыть эту. Она одна, одна была именно тою родственною душой, другом и желанной женщиной, – словом, тем воплощением идеала и инстинкта, присущим каждому мужчине, который давно носился в его душе. И когда он в первый раз увидел в Сан-Франциско эту женщину, он сразу же признал ее за ту, свою любимую, давно знакомую, о которой тосковал, ища женской любви, в мечтах, еще на заре своей юности, –

признал и радостно отдался чувству, не думая, зачем, к чему, что из этого выйдет.

Весеньев, обыкновенно экспансивный, болтливый и общительный, охотно рассказывавший о своих увлечениях, на этот раз тщательно скрывал от всех сослуживцев свое чувство и даже закадычному другу своему, красавцу-брюнету Оленичу, не открывался. И только, чувствуя неодолимую потребность говорить о любимой женщине, он рассказывал иногда ему, какая умная, отзывчивая и милая женщина миссис Джильда. Однако друга своего не знакомил с ней.

Скрывал он от всех и переписку с миссис Джильдой и свое намерение жениться на ней. Ему казалось, что она не любит своего мужа, несколько нахального, хлыщеватого, с кольцами на руках, не всегда опрятных, в пестрых костюмах и малообразованного, довольно красивого янки, лет тридцати пяти, профессия которого была загадочна. По крайней мере кто-то предупреждал Весеньева никогда не играть с ним в карты и вообще остерегаться его.

Но ему до мужа не было никакого дела, и он очень редко встречал его в гостиной жены.

А она, эта маленькая брюнетка с лицом матовой белизны, с черными как смоль волосами, которой по временам казалось лет двадцать пять, а по временам и больше, уроженка Мексики, называвшая себя

испанкой, так ласково, так проникновенно, казалось, слушала, нежась в ленивой позе на диване или лежа в гамаке под тенью высокой калифорнской секвойи в саду, почти всегда в ярко-пунцовом платке, который так шел к ней, – слушала стремительные речи этого кудрявого, белолицего блондина и загадочно улыбалась. Сама она почти ничего не говорила и только иногда подавала реплики, умные и подчас насмешливые, воспалявшие еще более молодого моряка.

Весеньев был представлен ей на балу, данном городом офицерам «Чайки» через три дня после прихода ее на сан-франциский рейд. Это было время междоусобной войны ¹, и американцы-аболиционисты всячески выражали участие русским, правительство которых явно показывало свои симпатии северянам.

¹ *Это было время междоусобной войны...* – Имеется в виду гражданская война между Северными и Южными Штатами 1861–1865 гг., в ходе которой в США было отменено рабство негров и таким образом увенчалось победой движение аболиционистов, добивавшихся этой отмены. Русское правительство было заинтересовано в существовании единых, сильных Соединенных Штатов, противостоящих Англии и Франции – основным политическим соперникам России. В связи с этим Россия отказалась поддержать Англию и Францию, готовивших вмешательство на стороне рабовладельческого Юга, а в сентябре – октябре 1863 года две русские эскадры прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско, что было воспринято как дружеская демонстрация в отношении правительства северян.

Все клубы, все гостиные широко открыли свои двери русским офицерам, и они были везде желанными гостями.

Весеньев заговорил с миссис Джильдой, точно давно ее знал. Он танцевал почти с ней одной, получил на память от нее гвоздику и вернулся под утро на клипер, влюбленный по уши.

На другой день он был у нее с визитом, в небольшой вилле почти за городом, и просидел два часа, а затем стал ходить каждый день. Его неодолимо тянуло в эту маленькую гостиную, где миссис Джильда обыкновенно проводила целый день, лежа на диване с книгой в руках, или в сад к гамаку, под секвойи.

Он почти никого не встречал у нее в те предобеденные часы или по вечерам, когда бывал у нее, и она ласково, как доброму хорошему знакомому, протягивала ему свою крошечную руку с рубином на мизинце и уютнее усаживалась на диван, не скрывая своих маленьких ног в шитых туфлях. Приготовляясь слушать этого пришельца с дальнего севера, вдруг, как-то неожиданно, сделавшегося своим человеком в доме, она глядела на него умным, вдумчивым и грустным взглядом, казалось, несколько не удивленная, что русский моряк ходит каждый день, но порою, казалось, недоумевала, что он даже не пользуется правами американского флирта и с робкою почтительно-

стью целует ее крошечные холодные руки, и по временам глядит на нее так грустно-грустно, точно жалеет ее, точно прозревает, что в сердце этой маленькой женщины разыгрывается драма.

И миссис Джильда привыкла к Весеньеву и, казалось, не без удовольствия слушала, как стремительно, словно бы «волнуясь и спеша»², говорил он без умолку на своем не особенно правильном английском языке о далекой России, о которой она имела представление, как о стране, где вечный снег и где везде гуляют медведи, о родных, о плавании на «Чайке», о своих планах и надеждах. Она слушала, слегка удивленная его горячностью и огоньком, сверкающим в его обыкновенно смеющихся глазах, когда он, со свойственной русским откровенностью, обнажал перед ней свою душу, высказывая свои решительные взгляды и нередко требуя самого радикального переустройства вселенной.

Скоро он стал менее болтлив. Он задумчиво при молкал, сидя около маленькой женщины, и глядел на нее восторженными глазами. Она тихо улыбалась и не отнимала своей крошечной руки, которую молодой лейтенант осыпал поцелуями.

Накануне отхода из Сан-Франциско Весеньев тоск-

² ...«волнуясь и спеша»... – из стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти друга» (1853).

ливо сказал:

– Завтра мы уходим, миссис Джильда.

Она, казалось, была удивлена.

– Уходите? И я вас более не увижу? – протянула она грустно.

– От вас зависит. Я вас люблю, Джильда. Не на шутку люблю.

Лицо ее омрачилось печалью. Ее большие темные глаза нежно и благодарно глядели на Весеньева.

И она наконец прошептала:

– Это скоро пройдет.

– Это скоро не пройдет. Я чувствую.

– Зачем это случилось? Зачем? – уныло сказала она.

– Я не знаю, зачем. Я знаю только, что люблю вас.

– Но вы совсем меня не знаете?

– Вы... чудная...

– О, я совсем не такая, как вы думаете... Я далеко не хорошая...

И слезы показались на ее глазах.

– Не лгите на себя... Хотите быть моей женой, Джильда?

Она почти испуганно посмотрела на Весеньева.

– Мне тридцать лет... я почти старуха, а вы...

– Мне двадцать шесть... Но разве это не все равно? Я люблю вас больше жизни. Хотите быть моею

навсегда, Джильда? Вы разведетесь с мужем... Ведь вы не любите его?

– Нет.

– Я приеду через полгода сюда и увезу вас в Россию.

Джильда с тоской глядела на Весеньева и молчала.

– Вы отказываете?

Джильда не роняла слова и сидела с поникшей головой.

– Вы, значит, нисколько не любите меня, Джильда? А мне казалось...

Лицо Весеньева вдруг побледнело, голос был полон тоски, и на глазах дрожали слезы.

Маленькая женщина быстро подняла голову.

Еще секунда – она рванулась с дивана и, обвивая шею Весеньева, прильнула своими устами к его устам и снова села на свое место.

А слезы так и бежали из ее глаз.

– Джильда! Родная! Голубка моя! – проговорил по-русски Весеньев, умиленный и готовый плакать от счастья.

И, целуя ее руки, он по-английски продолжал говорить о своей любви.

А она, перебирая тонкими, бледными пальцами его кудрявые волосы, повторяла:

– Лучше забудь меня. Лучше забудь!

Определенного ответа она не дала, но не лишала его надежды.

Они расстались, обещая писать друг другу.

Письма ее были печальны и полны любви.

Солнце уплывало за горизонт.

– На флаг! – скомандовал Весеньев.

К спуску флага наверх вышли все офицеры.

Солнце исчезло из глаз, а на горизонте тотчас же потускнели яркие краски. Горнист заиграл зорю. Все обнажили головы. Спустили флаг. Со спуском флага день на военном судне окончился.

В скором времени была пропета матросами молитва и розданы койки.

После коротких сумерек быстро опустилась ночь, чудная, теплая ночь. В небе засверкали мириады звезд, и луна, томная, задумчивая и красивая, медленно поднималась все выше и выше, обливая своим серебристым светом и полосу океана, и паруса «Чайки», и палубу клипера.

Каким-то волшебством дышала эта ночь.

Весеньев шагал назад и вперед по мостику, вдыхая полную грудью, и мечтал о встрече с Джильдой.

Какое неожиданное счастье, что в Гонолулу, где собралась эскадра, адмирал приказал командиру «Чайки» идти в Сан-Франциско и там дожидаться его. Наверное, придется стоять около месяца. Каждый день он будет у Джильды, и вопрос о свадьбе решится. В

последнем письме она писала, что согласна. Она и не догадывается, что послезавтра он будет у нее. Он нарочно явится сюрпризом.

И молодой лейтенант представлял себе радость встречи, и сердце его замирало. И он глядел на океан, глядел на луну и на звезды, и видел одну Джильду.

Пробило восемь ударов полуночи, и на смену Весеньева пришел другой вахтенный офицер.

– Все паруса... Курс WSW.³ Ветер восемь баллов... Ходу десять узлов... Хорошей вахты! – весело говорил Весеньев, сдавая вахту мичману.

Он бегом бросился в кают-компанию. Там вестовой уж приготовил ему стакан горячего чая.

Там же сидел, читая книгу, и друг его, лейтенант Оленич.

Они были друзьями еще с морского корпуса и с тех пор жили душа в душу, братски привязанные друг к другу.

Весеньев был такой веселый, такой жизнерадостный, что Оленич невольно спросил:

– Что с тобой, Боря?.. Отчего ты сияешь?

– А разве я сияю?

– Совсем... Точно собираешься идти на свидание с любимой женщиной, а не ложиться спать! – засмеялся Оленич.

³ Курс WSW – то есть курс на запад-юго-запад.

Весеньев покраснел.

Он присел к столу рядом с Оленичем и тихо шепнул ему:

– Ты почти угадал, Володя... Я тебе ничего не говорил раньше, но теперь скажу... Ты ведь мой единственный друг.

И Весеньев рассказал о том, что любит миссис Джильду и собирается жениться.

– Ты с ума сошел! – воскликнул Оленич, когда его друг кончил.

– Отчего с ума сошел?

– Да ведь ты совсем не знаешь этой дамы. Я видел тогда на балу, и...

– И что же?

– И скажу тебе по правде, она мне не понравилась...

– Отчего?

– Трудно сказать... В ней есть что-то скрытное... Точно ей есть что скрывать.

– Ты, Володя, гнусно смотришь на женщин вообще и потому говоришь вздор. Придем в Сан-Франциско, и я тебя познакомлю с Джильдой... Тогда ты увидишь, какая это прелестная женщина.

– Но, во всяком случае, Боря, ты хоть спроси о ней у нашего консула. Он всех знает.

– К чему спрашивать?

– А как же? Быть может, твоя миссис Джильда просто авантюристка...

Весеньев стал белее сорочки и вздрагивающим голосом произнес:

– Оленич! Я люблю тебя, как брата, но если ты когда-нибудь осмелишься сказать о ней подобное слово... мы навеки враги.

Оленич пожал плечами с видом сожаления.

– Прости, Боря... Ведь я твой друг и потому позволил себе сказать...

– Гадость! – прибавил Весеньев. – О, я непременно познакомлю тебя с ней, и ты убедишься, что это за чудное создание.

– И однако муж ее, говорят, шулер...

– Может быть... Но разве она виновата... Может быть, она этого и не знает...

– Мудрено не знать, если весь город знает...

– Ну и пусть знает...

– И живет с ним и пользуется средствами шулера...

Боря, голубчик, не торопись, умоляю тебя... Прежде разузнай, расспроси... Ты ведь доверчив, несмотря на свой ум, и наивен, несмотря на то, что считаешь себя знатоком людей... Связать себя на всю жизнь...

Оленич замолчал, взглянув на страдальческое лицо друга. Он понял, что продолжать было бесполезно, не рискуя поссориться с человеком, которого любил.

И он решил иначе спасти друга от легкомысленной женитьбы.

IV

Через день «Чайка», слегка попыхивая дымком из своей белой трубы, тихим ходом входила на сан-францисский рейд.

Клипер еще накануне подчистился, прибрался и показывался теперь в чужие люди нарядным, изящным щеголем, возбуждавшим завистливое удивление на военных иностранных судах, стоявших на рейде. А их было немало.

И моряки разных национальностей ревниво смотрели, как ловко проходила среди купеческих кораблей «Чайка» и как хорошо она стала на якорь и быстро спустила все свои шлюпки на воду.

А Весеньев уже торопливо одевался в своей каюте в новую летнюю статскую пару и в пробковом «шлеме», обернутом белой кисеей, в светлых перчатках, с тросточкой в руках, имел вполне джентльменский вид.

Он отправился в город с первой же отходившей шлюпкой.

Оленич, бывший на вахте, проводил своего друга взглядом, полным сожаления. Он сегодня же вечером собирался поехать к консулу и разузнать от него об этой миссис Джильде Браун.

Несимпатична была ему эта маленькая брюнетка с грустными глазами... Теперь же, после признания Весеньева, он прямо-таки относился к ней враждебно и готов был поверить всяким дурным о ней слухам.

«И чего нашел он в ней привлекательного?» – задавал вопрос себе Оленич, вспоминая эту брюнетку, какую он ее видел на балу: в желтом газе с красным, сильно декольтированную, с красной гвоздикой в темных, беспорядочно спутанных волосах. Чересчур истомленное лицо, большие глаза, правда, грациозна, но в ее манерах что-то кошачье, что-то лукавое...

«Бедный Борис!»

А «бедный Борис» в это время ступил на набережную, предвкушая радость встречи. Жара была нестерпимая, и он тотчас же нанял коляску и попросил везти себя за город на виллу Браун.

– Знаете?

– Знаю! – ответил кучер-ирландец.

– А чем занимается мистер Браун, вы знаете? – спросил Весеньев.

– Это его дело! – резко отвечал ирландец и прибавил, – а в карты вы все-таки с ним не играйте, сэр!

Не доезжая до виллы, Весеньев просил кучера остановиться.

Отпустив коляску, он пошел пешком, рассчитывая обрадовать Джильду внезапным появлением.

«То-то обрадуется!» – думал он, вспоминая ее последнее, особенно нежное письмо, выученное почти наизусть молодым лейтенантом.

С сильно бьющимся сердцем вошел он в калитку сада. Масса чудных роз, олеандров, фиалок, гелиотропа и резеды наполняли сад благоуханием.

«Она, конечно, одна, в гамаке, с книгой в руках», – подумал Весеньев и, свернув в узкую каштановую аллею, направился к высоким секвойям, распространяющим смолистый аромат.

Вдруг раздался мужской голос, грубый и наглый, как показалось Весеньеву, и вслед за тем веселый, громкий и самодовольный смех.

«Это не муж», – пронеслось в голове Весеньева.

И у него екнуло сердце. Все радостное настроение внезапно пропало. В душе сделалось мрачно, и сад показался вдруг мрачным-мрачным... И все вокруг словно потеряло прелесть.

Он хотел уверить себя, что это голос брата или отца... Наконец какой-нибудь хороший знакомый... Но этот голос... этот подлый голос звучал какими-то торжествующими звуками, наполнявшими сердце Весеньева тоской.

«Разве уйти?» – подумал он.

Но сам подвигался вперед, замедляя шаги и чувствуя, как замирает сердце, словно бы его ожидало

несчастье.

Он ищет жадными, лихорадочно загоревшимися глазами эти две знакомые секвойи... и они в нескольких шагах.

Между ними протянут гамак, и в нем, вся в белом, словно окутанная пеной, эта маленькая женщина... Белые туфельки видны из-под юбки. Голова лежит на подушке... Глаза полузакрываются... И это матовой белизны лицо кажется еще прелестнее.

А около, почти у самой головы Джильды, на складном стуле сидел плотный коренастый господин лет под сорок, хлыщеватого вида, с лицом, которое показалось Весеньеву до невозможности пошлым и глупым.

А между тем этот пошляк-янки, в каком-то ярко-зеленом пиджаке, взял волосатую грубую рукой маленькую бледную руку Джильды и жадно поцеловал эту руку своими толстыми сочными губами раз, другой, третий...

Скрытый деревьями молодой человек все это видел и чуть не вскрикнул от негодования.

Напрасно он старался побороть жгучую, острую боль ревнивого чувства, охватившего его. Напрасно он хотел изобразить на своем лице презрительное равнодушие.

Он имел самый жалкий, страдальческий и расте-

рянный вид, когда, перейдя дорожку, подошел к гамаку и, почтительно поклонившись, проговорил глухим, точно чужим голосом:

– Здравствуйте, миссис Браун.

Джильда слабо вскрикнула. В ее глазах блеснула радость, и в то же время что-то виноватое промелькнуло в этом взгляде.

– Вот неожиданно. Я очень рада вас видеть!

Она крепко сжимала руку молодого человека, но, несмотря на слова о радости, лицо ее было грустно.

– Мистер Блэк... Мистер Весеньев, русский моряк, – проговорила Джильда.

– Тот самый, что ходил к вам каждый день, миссис Джильда? – с бесцеремонным смехом выпалил янки.

И, смерив молодого человека далеко не дружелюбным взглядом, протянул ему руку.

– Мистер Блэк не особенно воспитанный человек! – смущенно промолвила Джильда, взглядывая на Весеньева.

– Еще бы! Я не белоручка из Европы, а янки! – дерзко проговорил мистер Блэк.

– Пойдемте-ка, господа, лучше в дом... Здесь жарко.

Джильда спустилась с гамака и взяла под руку Весеньева:

– Мне некогда... Я на минутку только, – пролепетал

он.

Джилльда значительно взглянула на молодого человека и ласково проговорила:

– Куда вы? Посидите, прошу вас...

– А я уйду, мне некогда. До свидания, дорогая мисс Джилльда. До завтра, не правда ли? Завтра едем в Сакраменто ⁴? – говорил мистер Блэк и на прощание поцеловал несколько раз руку молодой женщины.

Весеньева передернуло.

Джилльда смущенно высвободила свою руку из руки мистера Блэка.

– Я не поеду с вами в Сакраменто, мистер Блэк! – проговорила она.

– А почему, позвольте узнать, вы не поедете? Ведь вы хотели ехать.

– Я передумала.

Мистер Блэк засмеялся гадким смехом и пристально поглядел на Джилльду.

– Это решительно? – спросил он.

– Решительно.

Янки еле кивнул головой Весеньеву и ушел, насвистывая какой-то мотив.

Когда он вышел за калитку, Джилльда умоляюще посмотрела на Весеньева и спросила:

⁴ *Сакраменто* – город на западе США, административный центр штата Калифорния.

– Что с вами? Вы сердитесь на меня?.. Вы... не доверяете мне?.. О, я вперед знала, что это будет! – печально промолвила молодая женщина, и по лицу ее пробежала грустная усмешка.

– Скажите, что это за идиот был у вас? – едва владея собой, спросил Весеньев.

– Один мой знакомый...

– Нечего сказать, хорош! Он вам очень нравится?

Джилльда грустно усмехнулась.

– Отвечайте. Нравится?

– Нет, нет! – повторила молодая женщина.

– Но в вас он, конечно, влюблен?

– Да! – виновато шепнула Джилльда.

– И бывает у вас каждый день?

– Бывает.

– И целует ваши руки?

– Целует! – покорно отвечала она.

– И вы обещали с ним ехать в Сакраменто?

– Обещала.

– А между тем вы писали, что любите меня...

– Писала...

– Но как же в таком случае вы принимаете этого болвана и позволяете ему думать?..

– Скучно одной. Я говорила вам: я нехорошая... Я люблю, когда за мной ухаживают...

Молодой лейтенант недоверчиво взглянул на

Джильду.

– И только целуют руки? – негодуя спросил он.

– Вы мне не верите. Вы что-то подозреваете? А я никогда не лгу...

– И вы, в самом деле, говорите правду, что любите меня и пойдете за меня замуж?

– Люблю. Но, мне кажется, свадьбы не будет. Я несчастная. И вы мне не верите! – сказала она, и все в ней говорило о какой-то тоске.

– Верю... верю! – вдруг порывисто воскликнул Весеньев, забывая все под чарами любви.

И, умиленный, стал целовать лицо маленькой женщины.

Она просветлела и нежно-благодарным взглядом ласкала молодого Весеньева.

Они пошли в полутемную прохладную гостиную. Джильда, по обыкновению, улеглась на широкий диван, Весеньев сел около. Он говорил о свадьбе. Он торопил ее скорей сказать мужу и потребовать развода.

– Он не даст... Он и Блэк убьют вас.

– В таком случае уедем тихонько. Согласна?

Они решили уехать вместе тайно в Нью-Йорк и от туда на пароходе в Европу. Весеньев по болезни спит с «Чайки». Его наверно отпустят.

– Только уедем скорей... Мне все не верится, что

мы уедем, что ты меня любишь... Говори, что любишь!
Говори! – шептала Джильда.

И Джильда горячо целовала жениха.

Решено было уехать через три недели. В седьмом часу Весеньев ушел от Джильды, еще более влюбленный, обещая быть завтра вечером.

V

Через два дня Весеньев привез к Джильде своего друга Оленича.

Оленич уже успел собрать справки у русского консула о миссис Браун, и справки эти были не особенно благоприятны. По словам консула, миссис Джильда женщина сомнительной репутации. Ее часто встречают с посторонними мужчинами. Что же касается до мужа, то это профессиональный шулер и человек вообще очень подозрительный.

Несмотря на неблагоприятные отзывы, Оленич был решительно очарован этой маленькой, бледной женщиной с большими темными глазами. Далеко не красавица, она показала Оленичу пленительной с ее маленькой ленивой и грациозной фигуркой. В этой женщине было что-то привлекающее, точно магнит. Она, по обыкновению, и с Оленичем говорила мало, больше слушала, подавая реплики и задавая вопросы, говорящие о тонком уме и отзывчивости, и при этом словно бы ласкала взглядом, полным чего-то манящего, загадочного и грустного. В этих глазах точно были и правда и обман...

И Оленич после визита, сам восхищенный, тем не менее пришел к заключению, что друг его делает ве-

личайшую глупость, собираясь жениться на Джильде.

«Это было бы величайшим несчастьем!» – подумал он и сам чувствовал, что что-то неотразимо тянет к этой женщине, и ласковый ее взгляд чарует и волнует его.

– Ну, что, голубчик, понравилась тебе моя Джильдочка? – торжествующе и радостно спрашивал Весеньев своего друга, когда они возвращались с виллы.

– Очень!

– Еще бы, это прелестная женщина... И какие добрые глаза!

– Загадочные...

– И, не правда ли, хороша собой...

– Да... недурна! – сдержанно отвечал Оленич и почему-то покраснел.

С этого дня между друзьями как-то незаметно наступило охлаждение. Оленич точно избегал говорить с Весеньевым и резко обрывал его, когда он начинал говорить о Джильде.

VI

Адмиральский корвет «Витязь» неожиданно пришел в Сан-Франциско десятью днями раньше, чем его ожидали.

Капитан «Чайки», ездивший к адмиралу с рапортом, возвратившись, передал старшему офицеру о приказании адмирала – через три дня идти «Чайке» на Ситху⁵.

Узнавши об этом распоряжении, Весеньев тотчас же попросил шлюпку, собираясь предупредить Джильду, чтобы она была готова ехать с ним через два дня в Нью-Йорк.

Весеньев заручился уже согласием капитана на отъезд в Россию по болезни и не сомневался, что и адмирал разрешит отъезд, но хлопот предстояло еще много. Надо было устроить денежные дела, сделать кое-какие покупки на дорогу для Джильды и для себя, и Весеньев рассчитывал, что Оленич поможет ему разделить хлопоты этих дней.

И молодой лейтенант постучался в каюту Оленича. Ответа не было. Каюты заперта. Вестовые доложили,

⁵ *Ситха* – город-порт на юго-востоке Аляски, на западном берегу о. Баранова. В 50-х – 60-х годах в Ситхе была расположена одна из баз русской тихоокеанской эскадры.

что он еще с утра уехал на берег.

«И куда это он каждое утро ездит!» – подумал Весеньев, несколько заинтересованный этими регулярными съездами на берег по утрам своего друга.

Около полудня Весеньев подъехал к вилле.

Горничная Бетси, толстогубая негритянка, с добродушными, влажными и сильно выкаченными глазами, объявила мистеру «Весени», как она называла лейтенанта, что миссис Джильды нет дома.

– Скоро будет?

– А не знаю. Она куда-то уехала с вашим другом.

– С каким другом? – изумился Весеньев.

– С мистером. Олени... Он ведь каждый день по утрам у нас бывает... Сидит с миссис Джильдой. Вы вечером, а он утром! – прибавила она, добродушно улыбаясь всем своим лоснящимся черным лицом и показывая ослепительно белые зубы.

В глазах лейтенанта помутилось. Он не верил своим ушам. Ни Джильда ни Оленич ни слова не говорили ему об этом.

«Господи! Что же это?.. И Джильда и друг лгут... Зачем?.. Зачем?..» – подумал он.

Ревнивые подозрения закрались ему в голову. Светлый летний день точно померк, и сам Весеньев стал мрачнее тучи.

«Так вот для чего Оленич съезжает на берег каждое

утро!»

Злоба к Оленичу наполняла сердце Весеньева, – злоба жестокая, какая только может быть у человека, обманутого людьми, в которых он верил, и у ревнивца, терявшего любимую женщину.

– О, подлые! – простонал Весеньев.

Толстая Бетси сочувственно, и в то же время слегка насмешливо, посматривала на русского моряка.

– Куда они поехали? – спросил он.

– Кажется, в парк.

– В парк... Зачем в парк? – бессмысленно повторил он.

– В парке хорошо гулять...

– В Сакраменто еще лучше! И Блэк бывает здесь?

– Теперь реже.

– А прежде?

– Каждый день...

«А она обещала его совсем не принимать!» – мелькнуло в голове молодого человека.

– О, лживая, подлая гадина! – вырвалось из его груди. – Дайте мне конверт, Бетси.

– Пойдемте в комнаты.

Весеньев прошел в гостиную. Эта комната, в которой он был так счастлив, теперь казалась ему словно бы опозоренной... Все здесь фальшиво... везде ложь, как и в этой женщине...

Он достал визитную карточку и, дрожащей рукой, не понимая, что делает, написал следующие строки:

«Вы лживое создание. Мне стыдно за вас и за себя. Возвращаю ваше слово и презираю вас!»

Вложив карточку в конверт, он отдал ее Бетси и сказал:

– Прошу вас, Бетси, отдайте эту записку в руки миссис Браун.

– Будьте покойны.

– Непременно в руки...

– Отдам в руки. А вы разве вечером не приедете?

– Нет, Бетси, не приеду. Никогда больше не приеду.

И, едва сдерживая рыдания, Весеньев выбежал из виллы.

– В парк! – крикнул он кучеру.

Он велел остановиться у входа и вошел в огромный парк, с высокими пихтами и секвойями, и озирался кругом безумными взглядами.

Он обежал все главные аллеи, всматривался в гуляющих и сидящих на скамьях. Тех, кого он искал, не было.

Тогда он направился наобум в глубь парка, в густую чащу. Там было прохладно. Он шел, не зная зачем, не зная куда, подавленный горем, обезумевший от полученной обиды и любивший Джильду, казалось, еще сильнее оттого что она его обманула. Где-то слы-

шался голос.

Весеньев осторожно, крадучись, как тать, пошел на голос и замер, полный злобы.

У пруда на скамейке сидели Джильда и Оленич.

Он что-то тихо говорил и целовал ее руку.

Она слушала и ласково глядела на него задумчивыми грустными глазами.

Весеньев приблизился к ним.

Джильда стала блее рубашки и испуганно остановила глаза на Весеньеве. В ее лице было что-то бесконечно страдальческое.

Оленич смущенно отодвинулся, выпустив руку Джильды.

Смертельно бледный Весеньев, едва кивнув Джильде, подошел вплотную к Оленичу, дал ему пощечину и проговорил:

– Вы подлец, и я к вашим услугам.

С этими словами он тихо удалился, неестественно улыбаясь, точно сделал что-то значительное и нужное для своего спокойствия.

VII

Уже выхаживали на шпиле якорь, когда к «Чайке» пристала шлюпка и из нее вышел негр-посыльный.

Он спросил, где мистер Весеньев, и подал ему маленький конверт.

Весеньев, осунувшийся за эти дни, точно выдержавший какую-то болезнь, отошел к борту и прочитал следующие строки:

«Я ждала того, что случилось, но, признаться, думала, что вы спросите, так ли я виновата, прежде чем написать, что я лживое создание... Я просто несчастное, нехорошее, но не лживое создание... И, клянусь, я вас одного люблю, хоть слушала и Блэка и вашего друга... Спросите у него, он вам скажет... Простите меня и будьте счастливы... Надеюсь, вы меня довольно презираете, чтобы не просить вас забыть несчастную и легкомысленную, но непорочную Джильду».

– Будет ответ, сэр?

– Никакого.

– Так и сказать миссис Браун?

– Так и скажите.

«Какой ответ! Она опять лжет! – подумал Весеньев. – Ведь Оленич сказал ему, что она была его любовницей!»

И мучительное, злое чувство обиды и ревности опять сказалось с прежней остротой.

Как он страдал, этот бедный, легкомысленный лейтенант! Эти дни он ходил, словно безумный, и серьезно думал о том, что жить не стоит. И когда Оленич, после нанесенного оскорбления, предложил бывшему своему другу американскую дуэль, Весеньев радостно согласился, почти уверенный, что узелок вытянет не он.

Однако узелок вытянул он. Умирать предстояло Оленичу.

Решено было, чтобы не возбудить подозрения в умышленной смерти, что вынудивший роковой жребий бросится в море на другой день по выходе из Сан-Франциско. Таким образом смерть объяснится несчастною случайностью.

После объяснения, во время которого Оленич, словно бы нарочно, чтобы нанести тяжелую боль Весеньеву, сказал ему, что Джильда была его любовницей, они не говорили, конечно, ни слова и, казалось, еще более возненавидели друг друга.

«Чайка» тихо выходила с сан-францисского рейда.

Весеньев жадно смотрел на город, в котором так жестоко поругана была его вера в двух любимых людей.

Наконец город скрылся, а молодой лейтенант все

еще смотрел на берега, и образ маленькой бледной женщины с большими грустными глазами невольно стоял перед ним, наполняя все его мысли. И он чувствовал, что все-таки любит Джильду. И жалел и ее и себя.

Но Оленича он не прощал. При мысли о нем злоба закипала в сердце молодого человека, и он словно забывал, что бывший друг его должен завтра умереть.

Оленич не показывался из своей каюты. Он целую ночь писал кому-то письма и плакал.

VIII

Весеньев стоял вахту с четырех до восьми утра.

Мрачный ходил он по мостику и, когда солнце выплывало из-за горизонта, разогнав предрассветный полумрак и заливая светом и блеском все вокруг, он не любовался чудным зрелищем восхода. На душе у него было тоскливо и смутно.

Он посматривал на паруса, на океан, кативший свои волны, взглядывал на компас и снова ходил по мостику.

А ветер заметно крепчал, и волны рокотали сердитей, сильнее раскачивая «Чайку», которая под марселями, брамселями, фоком и гротом неслась к северу, в полветра, узлов по десяти в час.

Как только что взошло солнце, Весеньев увидел поднявшегося снизу Оленича. Его красивое лицо было мертвенно бледно, спокойно и серьезно. Только тонкие губы вздрагивали и глаза как-то странно жмурились.

При виде Оленича сердце Весеньева екнуло.

Оленич твердой походкой поднялся на мостик и подошел к Весеньеву. Весеньев смущенно опустил глаза, не смея взглянуть в лицо человека, приговоренного к смерти.

А он между тем говорил:

– Перед смертью простимся, Боря. Я очень виноват перед тобой, прости меня. Расстанемся хоть не врагами...

И он протянул Весеньеву руку. Тот пожал ее.

– Прости меня, – повторил он, – и слушай: Джильда никогда не была моей любовницей. Я гнусно наврал на нее. Она любит одного тебя...

И тотчас же у Весеньева исчезла всякая злоба на Оленича, и он взволнованно проговорил:

– Зачем ты это сделал?

– Я тоже люблю Джильду... и ревновал... понимаешь?.. Сперва я ухаживал за ней, чтоб открыть тебе глаза и остановить от женитьбы, а потом... потом... увлекся ею...

– А она?

– Она жалела меня, слушала, что я ей говорил, и скрывала наши свидания, чтобы не огорчить тебя... Она несчастная, легкомысленная, все, что хочешь, но не лживое создание... Но ты все-таки не женись на ней!.. Она измучит тебя... Ты всегда будешь ее подозревать... Прости же, Боря... Скажи, что ты не вспомнишь лихом своего друга...

– Володя... милый... Так зачем же?.. Забудем все и... прости меня. Дуэль недействительна...

– Нет, голубчик... Нельзя... Слово держать надо.

Надо искупить позор оскорбления и подлость. Прощай!..

Они обнялись крепко, по-братски.

Слезы душили Весеньева, когда он опять сказал:

– Володя... ведь это глупо... умирать... Опомнись...

Из-за чего? Я разрешаю тебя от слова...

– Но я не разрешаю... И прошу тебя не ложиться в дрейф из-за меня... Я скоро потону. Я пловец неважный... Письма отправь... Вот они...

Он отдал письма, быстро спустился с мостика, сел на подветренный борт и, нарочно перегнувшись, упал за борт.

Весеньев ахнул. В одно мгновение он снял с себя сапоги и сюртук и бросился с мостика в океан спасти своего друга.

Сигнальщик побежал за капитаном, и через несколько минут «Чайка» лежала в дрейфе, и баркас был послан искать погибающих.

Весеньев был отличный пловец и скоро настиг Оленича.

– Боря... родной... зачем?.. – воскликнул Оленич.

– Затем, чтоб ты жил, а не то вместе погибнем! – радостно говорил Весеньев, поддерживая друга. – Ложись на спину... Вот так... Смотри, и баркас идет.

Действительно, скоро подошел баркас, и оба друга были вытащены из воды.

Из Ситхи Весеньев написал Джильде письмо, моля о прощении. Ответа по указанному адресу в Гонконг не было. Тогда Оленич написал консулу, и через две недели был получен ответ, что миссис Браун убита неким Блэком.

1898